

А В Г У С Т Л О К

ХРАНИТЕЛЬ

ПРОКЛЯТЫХ ДОМОВ

18+

Август Лок

Хранитель проклятых домов

«Автор»

2026

Лок А.

Хранитель проклятых домов / А. Лок — «Автор», 2026

В мире, где магия пронизывает саму ткань реальности, а магические ордена властвуют над судьбами людей, беглый послушник Кронвальд Тир находит убежище в доме загадочного Августа Лока. Спасаясь от прошлого, он соглашается на работу, не зная, какие тайны скрываются за кровавой подписью его нового работодателя. Лок — не просто риелтор, он посредник между миром живых и покинутыми домами, которые не хотят оставаться пустыми. Ему поручают самые сложные и опасные сделки, а его клиенты — те, кто знает, что за старинными стенами могут скрываться секреты страшнее призраков. Молодой Кронвальд становится его помощником и отправляется на свое первое задание: изучить особняк Инкорке, чей мрачный облик и трагическая история внушают страх даже самым смелым жителям города.

© Лок А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Август Лок

Хранитель проклятых домов

Название: Хранитель проклятых домов

Автор(-ы): Август Лок

Ссылка: <https://author.today/work/427820>

Глава 1

Темнота, верный друг бесчестных и изгнанных, уже расплзалась по городу, прикидываясь тенями и ловко уворачиваясь от света фонарей. Ощущение погони ослабло, как и страх, но это настораживало даже больше, чем прямое столкновение с любым из пастырей покинутого мной ордена. Затаились? Отпустили? Или, быть может, для них вовсе не является тайной, что я вот уже битых три минуты топчусь на крыльце высокого двухэтажного дома, уставившись на уже зачитанную мной до дыр бумагу, подклеенную с внутренней стороны окна?

“Убежище. Ты должен найти убежище” — билось в голове погребальным колоколом. И я вновь пробежался взглядом по тексту, боясь поверить в свою удачу. Смысл слов с трудом протискивался в сознание между распухшими от усталости полушариями мозга.

“Требуется молодой человек, обладающий крепким телосложением, еще более крепкой психикой и совершенно нерушимым стремлением к новым знаниям.

Работа несложная, график неопределенный.

Проживание возможно, личная жизнь недопустима.

Размер оплаты соразмерен трудолюбию.”

Пункт про крепкую психику здорово эту самую психику растревожил, зато указанное проживание было как никогда кстати. Но что-то смущало. Нет, не про личную жизнь. Спрут с ней, пастырям она тоже не очень-то светит, а вот... И тут меня наконец осенило — подпись! Стоило мне как следует взглянуть в размашистый, усыпанный росчерками автограф, как от поясницы до лопаток пробежал холодок. В правом нижнем углу листа красовалось бордово-коричневое: “Август Лок”. Именно такого цвета, который несомненно способна дать только засохшая на бумаге кровь. Кем бы ни был таинственный работодатель, подписывался он, как самый настоящий Проклятый.

Я зябко передернул плечами. Не берусь утверждать, что именно от страха. Очередной порыв ледяного ветра хищными щупальцами забрался под ворот не по погоде легкого пальто. Я потуже намотал длинный шарф и, решившись, наконец постучал.

Я вздрогнул, когда без всякого предупреждения, звука шагов или приличествующего позднему времени “Кого это там принесло”, с легкостью картонной, распахнулась тяжелая дубовая дверь. Будь я чуть более подозрителен, я бы решил, что мистер Лок стоял по другую сторону и ждал, когда я наберусь храбрости. Но мысль эта показалась настолько бредовой, что я с негодованием ее отбросил. Однако, некоторая настороженность прилипла к краю сознания, как банный лист, и затаилась, лишь изредка шурша, чтобы напомнить о своем присутствии.

Ноздри мои затрепетали от запаха дорогих сигар, печного тепла и горячих, наверняка еще даже не покинувших печь, булочек с корицей. Я едва не воспарил над землей и не устремился голодной птахой прямо в призывно светящийся дверной проем. Желудок встрепенулся и подпрыгнул, напоминая о бесконечно долгих днях, проведенных в узкой горной расщелине.

Пока я восхищенно принимался, Август Лок пристально меня разглядывал. Тогда я, не без труда оторвавшись от бесплодных, пока, по крайней мере, мечтаний о еде, проявил ответное любопытство и в свою очередь пригляделся к возвышавшемуся надо мной мужчине. С уровня собственных глаз и начав, постепенно поднимая взгляд. Худой, но жилистый, в черной рубашке с закатанными по локоть рукавами. Рыжие, ржавого оттенка, волосы собраны в низкий хвост, небрежно перекинутый через правое плечо. Неопределенного возраста, навскидку, лет на пятнадцать старше, но с этой модой на бороды ни в чем нельзя быть уверенным. Не ровесник точно, но и на старика однозначно не тянет. Я наткнулся на насмешливый взгляд зеленых глаз и, вдруг смутившись, уставился на свои ботинки.

Прошла секунда. Другая. И хозяин дома, насмешливо хмыкнув в ответ на какие-то свои мысли, распахнул дверь, отошел в сторону и сделал приглашающий жест рукой.

— Здравствуйте, мистер Лок, я...

— Знаю. Входите.

Голос оказался на удивление низким, с мягкой хрипотцой, таким бы в трактире баллады петь. Но на ум почему-то шли скорее страшные байки у костра. “Эх, Кронвальд, тряпка подъяюбная! Весь вечер дрожишь, как мышь под веником!” — мысленно прикрикнул я на себя и досадливо отмахнулся от пугающих образов. Мистер Лок тем временем аккуратно отклеил от стекла причину моего вторжения и бережно сложил вчетверо.

— Вакансия уже закрыта? — спросил я, сам не зная, на какой ответ надеюсь.

Видимо, все эти переживания отразились на моем лице, потому что в глазах странного аристократа вновь загорелась насмешка. Скорее дружелюбная, но я бы на это дружелюбие и медного шляка не поставил.

— Теперь да. Раздевайтесь и проходите в гостиную, это прямо по коридору. И да, наденьте, пожалуйста тапки. Мне не нравятся босоногие собеседники.

Я едва не счел последнюю фразу завуалированным оскорблением, но наткнулся взглядом на белые кожаные тапочки и проглотил язвительный ответ. На этом разговор был, очевидно, окончен. Хозяин дома еще раз окинул меня задумчивым взглядом, хмыкнул и удалился, сминая в руке злосчастное объявление.

— Я же еще не согласился! — Во мне зародилось неприятное ощущение захлопнувшейся мышеловки.

— Не думаю, что у вас есть выбор, — пожав плечами, бросил мистер Лок.

Я взял себя в руки и наконец прекратил таращиться на удаляющуюся фигуру. Снял пальто, по старой, еще детской привычке, засунул шарф в рукав. Белые тапочки меня как-то не прельщали, и я наклонился, высматривая, не найдется ли другой пары. Тщетно. Своего работника мистер Лок жаждал видеть исключительно в белых тапочках. “И в саване в тон” — ехидно поддакнул внутренний голос. Я привычно шикнул на трусливого мальчишку, таящегося, как я искренне надеялся, в душе каждого взрослого мужчины. Действительно, чего распереживался? Хотел убежище? Так вот оно, живи и радуйся. Да еще с кормежкой и оплатой! Чем тебе не праздник? Но кровавая подпись и проклятые тапки упорно не давали покоя. Испытывая крайнюю нерешительность, я решительным шагом направился в гостиную.

Комната оказалась на удивление светлой. Белые стены с едва заметным рельефом, явно эльфийской работы, мебель красного дерева с темно-зеленой обивкой и пушистый белоснежный ковер, покрывающий все пространство от входа до большого панорамного окна. Свет лился со всех сторон одновременно, из сотен и сотен крошечных магических светильников, роняя причудливые переплетенные тени. Справа от входа красовался массивный грубого камня камин, в котором как раз догорало объявление. Все вместе создавало непередаваемое ощущение заснеженного хвойного леса, уютное и немного тревожное одновременно. Будто вот-вот зашелестит, зашевелится, подкрадется из угла неведомый хищный зверь. Хотя о чем это я? Хищник уже был здесь.

Август Лок налил темное густое вино в два пузатых бокала и протянул один мне.

— Садитесь и рассказывайте, — повелел аристократ в спрут-знает-каком поколении.

Он указал на одно из кресел у окна, сам сел на второе. Нас разделял невысокий столик, и преграда эта казалась мне не в меру хрупкой. Лучше бы стена. Или две. Я мысленно выдохнул, сообразив, что по-бараньи пялиться в глаза странному работодателю не обязательно, и отвел взгляд.

— Я сирота, родом из Алири, прибыл в город совсем недавно, и...

— Если бы я хотел послушать чушь, попросил бы почитать мне газету, — прошипел мистер Лок и, вскочив уперся руками в край стеклянной столешницы.

В глазах будущего начальника заплескалось зеленое пламя. Я нервно сглотнул, пораженный как размахом, так и скоростью произошедшей перемены в настроении собеседника. А он тем временем продолжал, распаляясь все больше:

— И что это за бредовая легенда, в конце концов? Я сирота-сиротинушка, никого не знаю, ничего не ведаю, не бейте меня, ну пожалуйста. Тьфу. Позорище! Где ваше достоинство, молодой человек? Вы могли представиться странствующим сказителем, слугой, потерявшим господина при трагических обстоятельствах, писарем мелкого иноземного царька, на худой конец! Мне не нужна ваша исповедь, но и ложь я слушать не намерен. Тем более такую жалкую.

Он сделал глоток вина, глубоко вдохнул, выдохнул, прошептал себе под нос что-то невнятное и с той же пугающей быстротой, с какой только что взвился, перешел на абсолютно спокойный, даже чуть насмешливый тон:

— Я не приемлю вранья. Прошу запомнить это на будущее, если вы хотите, чтобы оно было долгим и по возможности безопасным.

Я судорожно кивнул и покосился на арку, ведущую из гостиной в коридор, а там и на свободу. Мистер Лок перехватил мой взгляд и усмехнулся:

— Поздно. Вы уже здесь. И пришли ко мне по своей воле.

“А уйти по своей воле мне отсюда не удастся?” — промелькнула в голове паническая мысль, и я тут же получил ответ на свой невысказанный вопрос.

— По вашей — ни в коем случае. Разве что по моей.

Я осмыслил свое положение и пришел к неутешительному выводу, что попасть из одной пастыреловки в другую — вполне в духе моей удачи. Затем подумал еще немного, окончательно испугался и спросил:

— Вы читаете мои мысли?

— Вот еще! — фыркнул аристократ и скрестил руки на груди. — Я давно живу и разбираюсь в людях. Итак. Вернемся к нашим саламандрам. Ваша исповедь мне без надобности. Ваше прошлое — тем более. Я не пастырь Пути Блудной Лилит, чтобы утешать, переживать или, упаси Проклятый, осуждать. Меня интересуют только ваши навыки и опыт. Остальное оставьте при себе.

Щеки горели от стыда. То ли за самую попытку обмануть такого неглупого собеседника, то ли за то, что так нелепо попался в ловушку. Тем не менее, здесь мне, похоже, не грозила смерть, а это уже гораздо больше, чем было у меня каких-то полчаса назад. Что ж, и ловушка может стать убежищем, если у меня хватит ума вести себя правильно. И я, собравшись с духом, оттарабанил заготовленный список умений:

— Я неплохо читаю и пишу, и символами, и рунами. Есть большой опыт в ведении домашнего хозяйства, и небольшой — в алхимии. Хорошо готовлю простые блюда, но если есть поваренная книга, я научусь и...

— Посмотрел бы я на человека, который не научился бы с поваренной книгой! — внезапно развеселился мистер Лок. — Ладно. Это не то умение, которое необходимо в нашей профессии. Впрочем, способность себя обслужить еще никому не мешала. А в остальном — неплохо. Пожалуй, это я удачно тебя нашел.

Я промолчал, едва сдержавшись, чтобы не уточнить, кто на самом деле кого нашел. То, что я зануда, он еще успеет узнать, не стоит вываливать вот так сходу на человека все свои достоинства. Будущий (но, по всей видимости, уже неизбежный) работодатель уставился в окно, за которым я с удивлением увидел спокойную, кажется, совсем летнюю ночь. Иллюзия? Я решительно оторвался от созерцания золотистой круглой луны и задал самый животрепещущий вопрос:

— А чем мне предстоит заниматься?

Хозяин дома вышел из оцепенения, недовольно на меня посмотрел, мол, отвлекают тут всякие по пустякам и сказал то, что по моему глубокому убеждению никак не могло считаться ответом:

— Платить буду два золотых в неделю. Это на первое время. В дальнейшем обязанности и оплата возрастут.

Я мысленно присвистнул и, вспомнив известную в орденских кругах поговорку, поспешил уточнить:

— Ни суккубом, ни наемником я работать не буду!

Август Лок одарил меня таким взглядом, что я стал мечтать, чтобы бездна разверзла свою пасть прямо у меня под ногами.

— Прежде чем предположить что-то подобное в следующий раз, советую хорошенько подумать. Первый твой вариант настолько оскорбителен, что какой-нибудь мой наемник, будь он у меня, мог бы подсыпать в твой бокал яд. И ни его, ни меня отнюдь не загрызла бы совесть. Ясно?

Голос оставался спокойным, пожалуй, даже слишком спокойным. Но это не было спокойствием уравновешенного, равнодушного человека, оно скорее напоминало прочную на вид, но крайне хрупкую ледяную корку, в особо морозные зимы сковывавшую маленькую бухту у горы Рогхан. Смельчаков, отважившихся порыбачить, а то и просто прогуляться по серебрищейся в солнечных лучах поверхности находилось не много, и никто их больше никогда не находил.

— Простите, — только и смог пробормотать я, отодвигая подальше бокал с подозрительным напитком. Хорошо, что не успел сделать ни глотка. Хозяин дома криво усмехнулся, и ощущение смертельной опасности, сжимавшее мое сердце последние полминуты, тут же ослабло хватку.

— Скучно мне отныне не будет, я полагаю, — заключил мистер Лок. — Мы поняли друг друга. Твоя комната в западной башне. Сегодня занимайся перевозкой и распаковкой вещей, а завтра... Их, кстати, у тебя много?

— Кого? — растерялся я.

— Вещей.

— Только то, что на мне.

Хозяин дома укоризненно покачал головой, по всей видимости, отсутствие багажа являлось в его представлении о мире чем-то неприличным, а то и вовсе постыдным. Я невольно смутился.

— Тогда обустраивайся и отдыхай, — милостиво разрешил начальник. — Ужин через два часа, я сам его приготовлю. А о твоих обязанностях поговорим позже. Мне нужно все хорошенько обдумать.

Я отставил бокал и, кивнув своему работодателю, отправился искать западную башню. По хорошему, стоило было уточнить маршрут сразу, а не блуждать по переплетениям бесчисленных коридоров, постепенно теряя надежду на хоть какой-нибудь выход. Снаружи дом казался куда компактнее, и я был уверен, что без магии тут не обошлось. Побродив с четверть часа в лабиринте картин, зеркал, светильников и причудливых деревянных статуй, то и дело “выскакивающих” на меня из-за очередного поворота, я неожиданно вновь оказался в входа в гостиную, так и не найдя ни одной лестницы наверх.

В проеме стоял мистер Лок и, скрестив руки на груди, насмешливо на меня смотрел. Я пожал плечами, дескать, сами знаете, что построили.

— Налево по этому коридору, первая дверь. За ней лифт, — просветил меня колдун.

Что такое лифт, я знал отлично. В башне Пути тоже имелся пузырь воздушной стихии, взмывающий вверх, стоило в него войти, но он находился в центральном холле, а не прятался за дверями. Этот способ подъема я не любил и всячески избегал, памятуя о ненадежности магии в принципе и своим к ней способностям в частности. Попытался избежать и в этот раз.

— А лестницы у вас нет?

Вышло неожиданно жалобно, и я скривился от тона собственного голоса. Лока, кажется, это здорово позабавило.

— Не бойся, малыш, он тебя не укусит.

— Нет, я...

— Да, ты. Зачем мне лестница, если есть лифт? — удивился хозяин дома. — Иди давай, горе мое.

— Понял. Иду.

И я пошел. За массивной резной дверью оказалось тесное, метр на метр, помещение. Не хватало только метлы — и вылитая кладовка. Но ни полок, ни бутыльков, ни тряпок в нем не было, зато на стене красовались потертые металлические кнопки с выгравированными на них подписями: "ВБ", "ЗБ", "ГС", "ХК" и "НЕТ". Последняя интриговала особенно, но по здравом размышлении я решил, что на сегодня потрясений достаточно. Сделал мысленную пометку разобраться с этим шедевром архитектуры позже и ткнул в "ЗБ", от всей души надеясь, что это и есть Западная Башня, а не какой-нибудь Злой Бегемот или ЗубОдробильня.

Лифт трещал и поскрипывал, но дополз до пункта назначения и, протяжно взыв напоследок, выпустил меня на волю. Отсутствие седых волос после этой богатой на впечатления поездки я приписываю исключительно хорошей генетике.

Глава 2

Моя комната оказалась небольшой и уютной, отделанной сосновыми досками и устланной мягким коричневым ковром. Почти все помещение занимала просторная кровать, подвешенная на толстых канатах. Между полом и спальным ложем оставалось около полуметра. Достаточно, чтобы чувствовать себя парящей птицей, но слишком мало, чтобы по-настоящему бояться свалиться во сне. Стрелка моего внутреннего паникометра при виде такой роскоши упала до отметки "Да какая, к спруту, разница, что за странности тут творятся, если спать мне предстоит на ЭТОМ". Хозяин неуравновешенный? Ну и что с того? Кто из нас тут без странностей? Постараемся не нервировать, а там — по ситуации. Не съест же он меня, в самом-то деле. Ну, наверное, не съест. По крайней мере, пока даже надкусить не пытался. Кажется, я нужен ему живым, а это уже выгодно отличает нового начальника от верховного пастыря покинутого мной Пути.

Окна помещения выходили на две стороны и были забраны решетками, имитирующими плетение виноградной лозы. За одним бушевала буря, и ветер швырял в стекло невесть где подобранные грязные листья, а за другим — царила уже знакомая спокойная летняя ночь. "Значит, все-таки не иллюзия!" — восхитился я. Пространственный конверт, позволяющий расположить в своем внутреннем дворе небольшой кусочек зацикленного мира, — не редкость в Гракте, но такое изысканное удовольствие доступно разве что храмовникам или высшим чинам орденов. Частные лица могут конечно сами наколдовать, но для этого требуется такое колоссальное могущество, что объявись в городе такой колдун, его тут же разорвали бы на части. Богатеи и храмовники в попытке заказать мирок без очереди, а хранители Путей — из ненависти к конкурентам. Интересная вырисовывалась картина. Есть о чем подумать на досуге.

В дальнем углу комнаты я заметил узкую дверцу, ведущую в уборную. Прикинул, сколько у меня есть времени до ужина, и с сожалением отложил водные процедуры до предсонного часа. Успеется еще. Нехорошо опаздывать на трапезу с начальником в первый же рабочий день. Или еще не первый?

Рядом с кроватью обнаружился стеллаж с книгами, ловко мимикрирующий под выступ в стене. Корешки фолиантов представляли собой богатейшую палитру разных оттенков коричневого. То ли подбирались они по цвету, то ли у хозяина и правда не все в порядке с головой, если ему пришло в голову переделывать обложки в угоду интерьеру. Рассмотрев находку поближе, я начал склоняться ко второму варианту. Никаких надписей. Ни на лицевой стороне, ни с торцов.

Пришлось открывать наугад. Чистые листы в первой книге ввергли меня в ступор, во второй — удивили, а после третьей я уже открывал и бросал на кровать одну за другой, поглощенный азартом исследователя. Какого Проклятого, позвольте спросить? Но спросить пока было некого, и я развалился на кровати морской звездой среди великого множества абсолютно пустых литературных изданий. Думалось плохо, не то от усталости, не то от обилия впечатлений. Потолок безмолвствовал, лишь делясь невнятными образами, то и дело мерещившимися в перекрестье теней.

Вот волк, сердитый и, несомненно, голодный. А вот зайчик, маленький и испуганный. И на зайчике этом белые тапочки. А вот и клетка, большая и крепкая. Это от "ночного" окна, по всей видимости. Тени сдвинулись, и несчастное ушастое недоразумение, в которое скомкался "зайчик" ловко влетело прямо в подготовленную ловушку. Это открылась дверь. Я повернул голову и, покраснев, вскочил.

Август Лок смотрел на учиненный мной погром с легким удивлением и насмешкой, как на котенка, разматавшего по полу полную корзину вязальных клубков.

— Развлекаешься?

Я пожал плечами.

— Хотел почитать.

— И как, почитал? — развеселился начальник.

— Они зачарованные, да? Текст открывается только избранным?

— Нет. И да.

Он глянул на мое вытянувшееся лицо и от души расхохотался:

— Пойдем ужинать, когда я голоден, у меня недостаточно терпения для таких бесед. Кроме того, я достал из погребов очень особенное вино. Тебе понравится.

Я ощутило побледнел.

— Без яда. Честное слово, — он поднял руки вверх, показывая свою безоружность и покачал головой. — Нервная, однако, молодежь пошла.

Ужин проходил в гостиной, где за белым роялем, оказывается, прятался небольшой обеденный стол с мраморной столешницей. В этой комнате он казался почти игрушечным. Мистерики Лок действительно великолепно готовил: грудинка таяла на языке, а букет незнакомых специй раскрывался по одной, создавая во рту фейерверк вкусов.

Вино было терпким и густым. Для человека, который не пил ничего крепче ритуального чая из лесных трав и грибов, оно оказалось слишком крепким. Но признаваться не хотелось. Поэтому пил я, если это вообще можно так назвать, едва смачивая язык. С каждой каплей тревоги утекали прочь, как ядовитая влага в водопаде Слезы Ирви. Еще немного, и я совсем перестал бы интересоваться и будущей работой, и тайнами красного особняка, и собственной дальнейшей судьбой. Следовало немедленно приступить к расспросам. И я приступил.

— Расскажите, пожалуйста, про пустые книги.

Начальник поднял левую бровь, и я добавил:

— Если это не тайна.

Он отставил тарелку и неторопливо промокнул губы салфеткой.

— Тайна, конечно. Но ты и сам станешь частью этой тайны, так что придется делиться. Впрочем, нет. — Он усмехнулся. — Попробуй догадаться сам.

— Издеваетесь? — обиделся я.

— Хочу посмотреть, как работает твоя голова. Я плачу хорошие деньги, и должен знать, на что способно мое приобре... хм... мой подчиненный.

Эта оговорка мне очень и очень не понравилась. Купил он меня, что ли? Да кто я, по его мнению, такой?! Шкаф? Стол? Раб?

Мое выразительное пыхтение достигло цели.

— Извини, — вдруг смутился колдун. — Я прежде не нанимал людей и, честно говоря, привык работать, жить, да и существовать в принципе один. Делить с кем-то ужин для меня внове, про тайны я уж и не говорю. Ты не шкаф и уж точно не раб. Иногда оговорка — всего лишь оговорка. Не бери в голову.

— Спасибо.

— За что? — неподдельно удивился мистер Лок.

— За... объяснение.

Хозяин дома окинул меня понимающим и сочувственным взглядом и хмыкнул:

— Ты к такому не привык, я правильно понимаю?

Я кивнул.

— Значит, будем оба привыкать к новым обстоятельствам. А теперь к делу. Что ты думаешь о книгах?

“Что вы чокнутый!” — пронеслось у меня в голове, но, перехватив насмешливый взгляд начальника, я постарался подойти к вопросу серьезно.

— Если текста нет, значит одно из двух: или он скрыт от непосвящённых, или его нет вообще. То есть его еще не написали. Первый вариант мы отмечаем, иначе бы вы согласились с ним еще там, в башне. Так?

— Так.

Мистер Лок выглядел довольным.

— А если книги еще не написаны, и при этом находятся в моей комнате, значит, написать их должен буду я. Угадал?

— Это было слишком просто, — рассмеялся колдун.

— Но я не писатель!

— Тебе это только кажется, — отмахнулся собеседник. — Все мы — писатели, если хорошенько поковырять. Грамоте ты обучен? Обучен. Два слова связать можешь? Можешь. Голова у тебя соображает, руки есть, а выбора — нет. Все признаки писателя налицо.

Здоровое зерно в его рассуждениях было, но я всей кожей чувствовал наличие какого-то подвоха, и осторожно уточнил:

— Так вы меня наняли летописцем?

— Нет, помощником.

Мистер Лок снова принялся за еду, посчитав, по всей видимости, свой ответ исчерпывающим. Но недоуменная тишина, повисшая в воздухе на добрых полминуты, заставила его усомниться. Колдун поднял взгляд от тарелки, вздохнул и с сожалением вновь отложил вилку.

— У меня, видишь ли, риелторская контора. Не самая большая на побережье, но, без сомнения, самая важная.

— Вы продаете дома?

Я не смог сдержать изумления. Птицы столь высокого полета, как этот аристократ, по моему мнению, в принципе не нуждались в дополнительном заработке, с гораздо большим удовольствием вкладывая немислимые средства с не менее немислимой удачей во всевозможные предприятия, а то и одалживая их под процент крупным и средним дельцам. Торговец недвижимостью, пусть и самой элитной, — это такой же раб сферы обслуживания, как, например, дворник или трактирщик. И зачем бы ему...

— Потому что мне это нравится. — отрезал начальник и добавил: — Кроме того, я продаю и сдаю в аренду совершенно особенные дома. Те, которые кроме меня никто не смог бы пристроить в добрые руки. Да, да, ты прав. В точности как бездомных котят. Ну и клиенты у меня довольно своеобразные.

— Своеобразные? Храмовники? Пастыри?

— А что ты с ними не поделил? — живо заинтересовался мистер Лок.

— Ничего. Я так. Из любопытства.

— Ну-ну. Знаешь притчу про любопытную гусеницу, которая “так, просто мимо проползала” каждый раз, когда пара влюбленных чаек удалялись в лес, чтобы побыть наедине?

— Знаю, — неохотно кивнул я.

А еще я прекрасно помнил, чем закончилась эта история для глупой гусеницы. Но думать об этом отчаянно не хотелось. Я и так чувствовал себя маленьким и неприятно смертным.

Начальник заговорщически подмигнул.

— Вот-вот. Хотя... Да, думаю, как лицо заинтересованное, ты должен будешь узнать о них как можно больше заранее, чтобы... Или нет. Да, думаю, не стоит пока морочить тебе голову. В другой раз. Сначала посмотрим, что ты из себя представляешь. Или просветить...

Он разговаривал сам с собой, будто дразнясь, старательно выводя меня из себя. И у него вполне могло бы получиться, если бы не воспоминание о той неистовой, стихийной ярости самого колдуна. Понимание, что моя вспышка неминуемо повлечет ответную реакцию, здорово помогало держать себя в руках. Я спросил, как можно спокойнее:

— И что вы решили?

— И то, и другое. Дам тебе часть ответа, а остальное ты выяснишь сам. Итак, нет, мои клиенты не к храмам, ни к Путям не имеют отношения. А к чему имеют — сейчас не важно. Главное, что они отнимают очень много моего времени и не дают заниматься прочими делами. Поэтому ими займешься ты.

— Клиентами или делами?

— Делами, разумеется! К клиентам тебя пока и на милую нельзя подпускать! Разве что... Ну, посмотрим. — скомканно закончил он.

— И что я буду делать?

— Вести записи, общаться с хозяевами домов и осматривать их имущество непредвзято и в деталях. Я считаю, что нет ничего дороже репутации, поэтому не могу себе позволить ограничиваться предоставленной ими информацией.

— Вы хотите, чтобы я ездил на осмотры? Но я же ничего в этом не смыслю! Могу что-то упустить или, боги упаси, перепутать, а вам потом расхлебывать. Как же тогда ваша репутация?

— Именно поэтому ты будешь в подробностях расписывать все, что увидишь, услышишь, почувствуешь, подумаешь, только соберешься подумать и так далее. Разумеется, в начале будет непросто, но в дальнейшем, когда придет какой-никакой опыт, ты сможешь без труда определять, чего стоит тот или иной дом. Тогда твоя оплата возрастет вдвое. Неплохая мотивация, как ты считаешь?

Он снова подмигнул, с явным удовольствием разглядывая мою вытянувшуюся физиономию. Еще бы! Я здорово подозревал, что даже у короля жалование меньше, чем то, что обещано мне.

— Кроме того, где твоя гордость и тщеславие? Разве стремление к новым знаниям не составляет основу твоей личности? Ах, да, ты ошибочно зовешь это любопытством, но если ты на секунду, всего на секунду забудешь о своих глупых страхах, то поймешь, что тяга к приключениям и умение с легкостью адаптироваться к новым обстоятельствам были с тобой всегда. Ты когда читать учился, тоже кричал: “О нет! Только не книга!”? Или все-таки пробовал?

Я задумался над его словами, не всерьез и довольно скептически, но чем дольше я вглядывался в глубину самого себя, тем меньше оставалось от не в меру осторожного парнишки, боящегося лишней раз попасться на глаза старшим или принять хоть сколько-нибудь рискованное решение. В конце концов, разве сорвать самый важный обряд Пути и сбежать в никуда, точно зная, что на тебя объявят охоту, — это не самое рискованное решение из возможных. Я почувствовал, как выпрямляется спина, будто за ней отрастают невидимые крылья. Пока совсем крошечные, детские, но дающие надежду, что однажды я смогу полететь. Так высоко, как только посмею.

Мистер Лок смотрел на меня очень внимательно, отслеживая каждое крошечное изменение в моем организме, что-то неслышно нашептывая себе под нос, то ли колдовское, то ли одобрительное. А пламя в его глазах перестало казаться угрожающим, став спокойным и греющим, как огонь в камине.

Это длилось всего минуту, но и теперь, спустя годы, я могу с уверенностью назвать ее самой важной минутой в моей жизни. Постепенно задумчивое оцепенение, охватившее, казалось, весь Гракт, схлынуло, как воды Ирсана во время отлива, и разговор вернулся в деловое русло.

— Завтра поедешь на свое первое задание и возьмешь с собой чистую книгу. Озаглавь как-нибудь, чтобы мы потом не запутались в картотеке. Тебя ждет особняк Инкорке. Красивый дом с интересной историей. Думаю, тебе понравится. Я выдам тебе пару-тройку талисманов, самых необходимых в нашей работе, так, на всякий случай.

— Там водится что-то опасное?

Слухи о старом особняке, больше похожем на крошечный замок, давно ходили по долине и даже забрались высоко в горы. И ничегошеньки хорошего в этих слухах не было, а версии

“нехорошего” расплодилось в таком количестве, что понять, с чего все началось, не представлялось возможным. Когда-то, еще в моем детстве, вездесущие и всезнающие рыночные бабки до хрипоты спорили, доказывая друг другу, что они “своими глазами видали” и “да мне сосед ихний сам сказал, а ему лучше знать, чем тебе, дура старая”. Знал бы тогда, куда меня заведет судьба, слушал бы куда внимательнее.

— Для тебя там ничего опасного не водится, — уверенно заявил начальник. — Разве что много рутинной работы. Да брось, Крон, ты не похож на трепетную лань. Хотя глазами хлопаешь похоже, это да.

Он расхохотался над собственной шуткой, а я, осознав, что не называл хозяину дома своего имени, едва не провалился прямиком в Бездну. Жаль, что не провалился, очень хотелось.

— Вы знаете мое имя?

Слова эти дались мне с трудом, побелевшие и будто окаменевшие губы никак не желали двигаться с нормальной прежде ловкостью.

— Разумеется.

Колдун равнодушно пожал плечами.

— Но откуда?!

— Я не пускаю в свой дом неизвестно кого. И тем более, не нанимаю на работу. Ты — Кронвальд Тир, младший послушник Пути Безликих. Мерзкий путь, как по мне, ну да это не мое дело. Ты ухитрился сбежать, первый за очень долгие годы. Не знаю, как ты выбрался из этого пекла, но искренне за тебя рад. Собственно, поэтому я и взял тебя, не раздумывая. Подобрал, как бродячего щенка, — хмыкнул он. — Не дуйся, как ребенок. Подобрал — значит, хороший щенок, породистый и с большим потенциалом.

— Меня узнал кто-то из местных?

Вот теперь я испугался по-настоящему. Если до главного пастыря дойдут слухи, что я жив, он это быстро исправит.

— Тебя узнал я. Не стоит так переживать по этому поводу, имя и лицо — дело наживное. Завтра утром ты и сам себя не узнаешь.

— Что вы имеете в виду?

— Увидишь. Должен же я как-то поддерживать интригу, а то заскучаешь. Иди спать, горе мое. А с утра — сразу к зеркалу. Не понравится — исправим. А над именем подумай сам, тебе стоит почаще принимать участие в своей судьбе.

— Спокойной ночи, — просто ответил я и поднялся, понимая, что продолжать спрашивать бесполезно, а деловой разговор себя исчерпал.

Уснул я на удивление быстро. То ли вино сказалось, то ли усталость, но едва голова опустилась на подушку, сон обнял меня за плечи и утащил во тьму без сновидений. Где-то в середине ночи меня разбудил неприятный скрежет — будто одно из окон кто-то настойчиво карябал жесткими и длинными когтями. От этого звука промерзли кости и хотелось по-детски спрятаться под одеяло. Наверное, именно это событие, затронув спящее сознание, и породило липкий, чудовищный в свое реалистичности кошмар.

От каменных стен ощутимо тянуло сыростью и холодом. Мрачная тишина подземелья не была абсолютной: из темноты по углам слышалось едва заметное шуршание коготков, а под высокими сводами то и дело шелестели крылья летучих мышей. Я нервно переступал с ноги на ногу, и от каждого движения под подошвами слишком тесных сапог что-то неприятно похрустывало. То ли помет мелких грызунов, то ли их же кости. От невыносимого напряжения внезапно зачесалась макушка под тяжелым капюшоном, но нарушать торжественность (скорее даже трагичность) момента не рискнул бы даже блаженный. Густые, как смола, тени лениво покачивались в такт пульсации магического пламени, алым шаром висящего над алтарем.

Сквозь стоящую в глазах влагу я обвел взглядом пол ритуальной залы. Одиннадцать. Одиннадцать тел не осмелившихся, не справившихся юношей, так никогда и не ставших мужчинами. Значит, послушников осталось всего двое. Из высокой ниши, до краев заполненной тьмой, до меня донесся шипящий шепот наставника: “Нечего жалеть трусов и глупцов. Давай, Кронвальд, пора начинать.”

Я зябко передернул плечами, представив, как паршиво было бы закончить жизнь вот так, на полу ненавистного подземелья, сморгнул ставшие едкими слезы и обернулся к алтарю. На широкой гранитной плите с закрытыми глазами лежал худощавый, жилистый мужчина. Длинные рыжие волосы пламенным кругом обрамляли будто высеченное из камня лицо. Я не узнал его во сне. Во сне я его не знал. При настоящем Посвящении на месте колдуна, картинно раскинув руки в стороны, ждала своей участи криллара, девушка, рожденная именно для такой судьбы. Мне не хватило духу завершить ритуал тогда, но в этот раз я должен поступить правильно. Должен довести дело до конца! Я встал справа от жертвы, занес над головой полупрозрачный кинжал из чешуи василиска и... мистер Лок открыл глаза.

Я проснулся от собственного крика. С трудом вырвался из паутины галлюцинаций впоремешку с воспоминаниями и, повернув голову, лицом к лицу столкнулся с отражением в зеркале, которое, к моему великому сожалению, галлюцинацией определено не было. А жаль. Кажется, колдун взял мои собственные черты и попросту вывернул их наизнанку, создав нечто совершенно противоположное привычному образу. Неправдоподобно маленькие, но дерзко торчащие в стороны уши, веснушчатый длинный нос с мерзко обвислым кончиком и глубоко посаженные крошечные, прямо-таки крысиные глазки. Противнее этого типа мне не встречалось даже в кошмарах. Он не вызывал ни крохи доверия, ни капли симпатии, ни грана желания быть им.

— Мистер Лок!

В ужасе, я заорал совершенно машинально, как ребенок, испугавшись, сразу зовет маму. В изменившемся до неузнаваемости голосе прорезались истерически визгливые нотки.

— Как интересно вышло! — восхитился начальник, возникнув из ниоткуда у меня за спиной.

— Это не "интересно вышло", это какая-то спрутья пакость! — не согласился я.

— Думаешь, тебя все еще можно узнать?

— Да ни за что!

— Значит, не пакость, а хорошая, грамотно проделанная работа. Я бы даже сказал, просто отличная.

— Но мне не нравится! Кто меня будет воспринимать всерьез в таком-то виде? Вы бы стали вести дела с этим мерзким типом?

Я махнул рукой в сторону отражения, едва не снеся ни в чем неповинное зеркало. Колдун на секунду задумался, пожевал нижнюю губу, что-то прикидывая и наконец кивнул.

— Пожалуй, ты прав. Это перебор.

Он схватил меня за плечи, рывком развернул к себе и принялся пристально изучать каждую черточку не моего лица.

— Ладно, не паникуй, сейчас немного поправим.

Мистер Лок болезненно стукнул меня в лоб основанием ладони, и я провалился в мягкую тьму. “Опять он...” — успел подумать я, прежде чем окончательно потерял сознание. Пробуждение вышло странным, в ушах звенело, но, проведя мысленную инвентаризацию костей и черепушки, я обнаружил, что ничуть не ушибся при падении. Мягкие ковры — это просто нечто. Обязательно куплю себе такие же, когда обзаведусь собственным домом.

— Бедная моя голова, — простонал я, собирая ноги в кучу, чтобы встать.

— Зато какое лицо! — похвастался начальник.

Он отступил в сторону, и мне открылся вид на зазеркалье, из которого на меня с не меньшим любопытством пялился все еще веснушчатый, но вполне приятный незнакомец. Большие голубые глаза могли показаться наивными, но упрямая ямочка на подбородке сглаживала это впечатление. Нос стал прямее, а уши потеряли былую примечательность, увеличившись до человеческих размеров и прижавшись к голове.

Я улыбнулся, парень из зеркала — тоже. Кажется, мы друг другу понравились. Вот и пришло мое время сойти с ума. Рано или поздно это должно было случиться. С таким-то начальником.

— Ну что, эта рожа тебе больше подходит? — усмехнулся колдун, не без гордости оглядывая свое творение.

— Отродясь не был таким красивым! — честно ответил я.

— Верю. Только имей в виду, тебе это лицо для деловых целей выдано, а не для любовных похождения. Чтоб никаких мне тут. И без того проблем хватает.

— Понял я, понял.

— А раз понял, слушай. Инструкции и вся необходимая тебе информация по особняку Инкорке вот в этом конверте.

Он сунул мне в руки увесистый бумажный сверток, который только сослепу можно было принять за конверт.

— Ознакомишься по дороге. Не забудь книгу и самописное перо.

В наш диалог неожиданно ворвался третий участник, гулко прооручав из глубин одолженной мистером Локом рубашки. Я немного смутился, но этого собеседника проигнорировать было выше моих сил.

— А позавтракать я успею?

— Нет. — отрезал начальник, но, оценив мою несчастную физиономию и горящие голодным блеском глаза, сжалился: — Прихвати на кухне булку с корицей, перекусишь в экипаже.

Я просиял и бросился к лифту.

— И еще, — Голос начальника настиг меня у самой двери. — отчет начинай со слов: "Предоставленные в мое распоряжение документы гласят". Все переписывать не надо, но основные моменты и свои мысли по этому поводу укажи обязательно. Это сильно упростит дальнейшую работу.

— Хорошо, мистер Лок.

— Зови меня Август. И удачи тебе. Не опаздывай на ужин.

Глава 3

Булка оказалась вкусной, а повозка медленной, и спустя десять минут я вовсю зачитывался документами, как мальчишка приключенческим романом. Ух! Ну и здание мне досталось в качестве первого задания! Впечатленный богатой историей дома, я нетерпеливо открыл пустую книгу и вывел неровным, прыгающим на камнях мостовой почерком: "Предоставленные в мое распоряжение документы гласят..."

Джозеф Инк основал поместье, а вместе с ним и сам род, в трехсот пятидесятом году эры Зеленых лун. Более ранняя история семьи никому не известна, но даже эти двести сорок лет — вполне почтенный возраст для родового имени. Интересно, из чего оно сделано? Ага, вот. Выполнен из лиарных глыб, дважды достраивался. Где ж они откопали столько лиара? Гномы его не только не продают, они за этот ценный магический минерал готовы горы свернуть, причем буквально. И, что характерно, сворачивают! Тратят на его добычу добрую половину от всего золота, полученного за оружие и камни, никуда не экспортируют, ничего из него не строят и непонятно, где хранят. Странно, никогда не задумывался, зачем им такие залежи лиара. Неужели решили возродить древних драконов? Да нет, зачем бы им... Впрочем, я отвлекся.

Я дал себе мысленную затрещину, подозревая, что настолько сторонние рассуждения и умозаключения вряд ли понравятся мистеру Локу. Разве что наконец убедят аристократа в моей полной непригодности на должность помощника. Встряхнувшись и пробубнив короткое заклинание сосредоточенности, я вернулся к прерванной работе.

После смерти первого хозяина, дом унаследовала Лоретта Инк, чей брак с орком из северных земель, по слухам, стал причиной переполоха на Цветистом кладбище. Якобы недовольный выбором дочери призрак, повадился еженощно взлетать над могилой, издавая душераздирающий вой попеременно с грубой площадной бранью, чем довел юного сторожа до хронической икоты. Однако глас мертвеца не поколебал влюбленного сердца, и спустя пару лет наследница распорядилась возвести круглую башню со смотровой площадкой, чтобы иноземный супруг мог тосковать по родине наиболее поэтично, то есть глядя на сердитое буйство Северного моря. Тогда же особняк Инк переименовали в уже известный нам Инкорке.

Следующие изменения в архитектуру внес уже внук Лоретты, Армхаус. Это был человек с надломленной душой и нездоровой психикой. Именно благодаря его параноидальным наклонностям вокруг особняка появился пламенный ров с кошанскими саламандрами. А подъемный мост и высокая каменная стена, возведенная на месте некогда прекрасного сада, окончательно превратили родовое гнездо в неприступную крепость.

Супруга и дети были вынуждены подчиняться строгому распорядку, а на случай непредвиденных графиком перемещений по дому, дабы не испугать немолодеющего отца и не довести тем самым до сердечного приступа, носили браслеты с колокольчиками. Как признался однажды трактирщику их семейный врач, перезвон напоминал похоронные колокола, делая и без того гнетущую атмосферу и вовсе невыносимой. Помимо прислуги, всё время проживающей в Инкорке, лекарь на протяжении долгих лет оставался единственным гостем в поместье.

Но несмотря на все безумные предосторожности, включающие дегустаторов еды, ведуну сновидений и охранителя уборных, смерть настигла потомка семьи Инк. И история эта, на мой скромный взгляд, достойна войти в Книгу притчей, как ярчайший пример неспособности паранойи уберечь человека от его судьбы.

Во время тихого семейного завтрака, хозяин замка, всегда самолично чистивший ягоды, отвлекся на грохот бури за окном, рука его дернулась и в чашу упала одна вишенка с косточкой. Всего одна. Но этого оказалось достаточно, чтобы увлеченный светской беседой Армхаус подавился и почти мгновенно задохнулся.

Жена безумца, единственная свидетельница случившегося (слуги, разумеется, не в счет), утверждала, что все произошло слишком быстро и неожиданно. Но если говорить от сердца, не думаю, что она и в самом деле пыталась спасти супруга. Двадцать пять лет под гнетом умалишенного деспота мало в ком развивают стремление продлить ему жизнь. Но даже если я прав, никаких упоминаний о расследовании в документах нет.

Следующие несколько поколений существенных изменений в архитектуру особняка не внесли. Жили замкнуто, практически не давая поводов для пересудов. А позже и вовсе разъехались, оставив особняк на растерзание времени. Тридцать лет назад последний из рода, Рошмир Инк, с детства росший на островах Лавра, впервые посетил Инкорке и был шокирован его мрачностью. Юный наследник тут же распорядился разобрать стену и засыпать ров. “Такое красивое здание должно стать изюминкой города, а не пугать окружающих огненными ящерицами и множеством узких бойниц!” — считал он. Соседи очень обрадовались его решению: одно дело, когда у тебя за окнами возвышается архитектурный шедевр, привлекая внимание и скрашивая однообразный пейзаж, и совсем другое — параноидальная крепость с опасными тварями.

Твари оказались неприятно живучими, поэтому почти без потерь пережили несколько поколений и наплодили собратьев, которые расплозились по округе по три-четыре в год. Не так много, чтобы вмешались Хранители Путей, но вполне достаточно, чтобы жители ближайших домов вздрагивали по ночам от каждого промелькнувшего в окне огонька. С саламандрами в итоге разобрался Младший пастырь Пути Мертвых, отказавшись от весьма внушительного гонорара. То ли страдал тяжелой формой альтруизма, то ли попросил взамен что-то более ценное, чем банальное золото. Даже предполагать не берусь. Мертвоходцы — странный народ.

Благие намерения нередко приводят к самым разрушительным последствиям. Так вышло и на этот раз. Не прошло и месяца, как на Вишневой улице пропал первый ребенок.

Тетушка Дотти читала племяннице сказки о прекрасных принцессах, храбрых принцах и злых колдунах. Заканчивались истории, как и все им подобные, счастливой жизнью во дворце с высокими башенками. И маленькая Астрид Нил, с рождения любующаяся на поместье Инкорке из окна своей комнаты, втайне верила, что это и есть сказочный замок заколдованной и расколдованной принцессы. Родители посмеивались, но не спорили. Детство должно быть детством, считали они, и вера в чудеса — сама по себе настоящее чудо, ее нужно беречь.

К сожалению, хорошее воспитание неожиданно привело к плохому концу. Спустя три недели после своего семилетия, нарядная Астрид в праздничном платье и с любимой тряпичной куклой в руках постучалась в дверь волшебного здания. Та распахнулась, впуская жертву, и захлопнулась вновь. Кукла так и осталась лежать на ступеньках. Родители крохи отказались забирать «проклятую вещь».

За следующие тридцать лет исчезли еще двенадцать детей. И для небольшой улицы (а пропажи почти всегда были из числа соседей) количество впечатляло. Несколько раз жители пытались убедить власти снести «дьявольский особняк», но Рошмир Инк, так и не поселившийся в родовом гнезде, не допустил такого надругательства над памятью предков. Возможно, он надеялся, что кто-то из его детей или внуков захочет стать владельцем и хранителем замка. Возможно, считал его неким подобием памятника.

Так или иначе особняк стоит на том же месте, и сейчас ему в очередной раз требуется ремонт и семья, которая сможет по достоинству оценить неоднозначный, но прекрасный образчик архитектуры.

Это показалось мне забавным. Не представляю, кто согласится поселиться в таком месте. Даже если все слухи — абсолютная чушь и плод больного воображения, то новый жилец проклятого замка мгновенно станет изгоем общества, а то и кровным врагом для родителей, потерявших детей.

Гравюры с изображением Инкорке я отложил, не глядя. Чего на них смотреть, если совсем скоро все увижу своими глазами? В свертке оставалась только сложенная вдвое записка мистера Лока. Буквы прыгали в такт покачиваниям экипажа, но аккуратный почерк начальника позволял разобрать текст даже в таких условиях. Краткость инструкции показалась мне хорошим знаком. Что бы там ни говорил этот невыносимый колдун, за безнадёжного дурака он меня все-таки не считает.

"Тебя встретит Лора Эйк.

Будь осторожен, я ей не доверяю.

Помни, каждая мелочь важна.

Надеюсь на твою внимательность.

Кстати, о мелочах: ты придумал себе новое имя?"

Я схватился за голову. Дурак. Безнадёжный дурак. Кованые ворота особняка уже открывались, а я так и не удосужился переименоваться из беглого послушника в законного помощника. Я достал из внутреннего кармана небольшое зеркальце, взглянул на веснушчатого незнакомца и вздохнул. Корвин Мак? Вольтер Ари? Дарион Тил? Нет, все не то. Эрвин Рид? Сердце на секунду замерло, будто прислушиваясь, а спустя секунду одобрительно сжалось. Да, меня зовут Эрвин Рид!

Глава 4

Тем временем, повозка остановилась во дворе особняка, а кучер замеру открытой двери, услужливо протянув руку ладонью вверх, чтобы помочь мне выбраться. Я воспользовался его учтивостью и спрыгнул на вымощенную галькой подъездную дорожку.

Каждый раз, пытаясь поднять голову, я захлебывался порывами соленого морского ветра, отчего смотреть приходилось исключительно под ноги. Запахнувшись поплотнее, я схватил протянутый сверток с документами и начатой книгой и быстрым шагом направился к крыльцу. А приблизительно шагов через тридцать обнаружил сапожки. Кожаные, явно дамские, черные и с небольшим каблуком. Есть ли там, выше, что-то кроме сапог, я мог только догадываться. Но на всякий случай прокричал себе под нос:

— Добрый день! Пройдемте в дом! Скорее!

— Свежего полудня, мистер Лок. Как пожелаете.

Голос был нежным и певучим, но чувствовалась в нем некая скрытая сила. Не привычка повелевать, свойственная потомственным дворянам, а нечто более глубокое и куда более весомое. Осознание собственной свободы, наверное. Или, быть может, вера в могущество души? Излишне поэтичное предположение, но чего еще ожидать от барышни, с такой легкостью использующей полузабытое старинное приветствие. “Свежего полудня”... Подумать только! У нас тут “полудни” и так свежие донельзя. Я бы предпочел подушнее.

Дверь оказалась на редкость тяжелой, зато за ней было тепло, сухо и абсолютно безветренно. Я наконец смог поднять голову и взглянуть на свою собеседницу. Как ее там?

— Лора Эйк.

Девушка протянула узкую белоснежную ладошку. Я растерянно ее пожал.

— Извините, мистер Лок сейчас в отъезде. Я его первый помощник, Эрвин Рид. Буду рад знакомству.

Первый. Зачем я сказал “первый”? Будто есть другие помощники. Глупый, глупый мальчишка! Но кто бы не растерялся, если бы на него смотрели такие неправдоподобно зеленые глаза. Доверчивые, широко распахнутые, с длинными густыми ресницами.

— Очень приятно.

— Простите мое замешательство. Я ожидал увидеть даму преклонного возраста, а тут... вы.

— Нас часто путают.

По холлу разнесся звонкий девичий смех.

— Кого?

Я, признаться, совсем потерял нить разговора.

— Меня и даму преклонного возраста.

— Какую даму?

— Которую вы ожидали увидеть.

В голове шумел ветер, в холле повисла тишина. После мучительно долгой паузы девушка сжалась:

— Извините меня, мистер Рид. Вы так забавно краснеете. Честное слово, я так больше не буду.

Вновь прозвенели колокольчики.

— Покажите мне дом, леди Эйк, пока я окончательно не утратил связь с реальностью.

Во мне смешались восхищение, растерянность и легкая обида: зачем она дурит мне голову, как малолетнему оболтусу? Сама едва ли старше.

— Лора.

— Что?

— Зовите меня Лора.

— Тогда я — Эрвин.

— Чувствуйте себя как дома, Эрвин.

Смушение не покидало меня, пока я вешал пальто и разматывал непомерно длинную удавку. Лок клялся, что это модный в аристократических кругах шарф.

Перед нашим приездом в особняке явно побывала команда уборщиков. Толстый ворс ковров был идеально вычищен, мраморные стены сияли, отражая свет сотни крохотных факелов. По обе стороны от холла высились широкие арки с одинаковыми статуями, каменные лица которых, выточенные с особой тщательностью, были обращены ко входу и казались очень дружелюбными. Я еще раз повертел головой, перебирая возможные объяснения и наконец вопрошительно уставился на Лору.

— Это Джозеф Инк. — Девушка тепло улыбнулась. — У него было причудливое представление о гостеприимстве. Он считал, что хозяин должен лично встречать и провожать каждого гостя. Однако дела требовали постоянных разъездов и делали невозможным соблюдение этого правила. Тогда основатель рода обратился в гномью общину и попросил создать две как можно более реалистичные каменные копии себя, по одной на крыло.

— Мне нравится ход его мыслей, — рассмеялся я. — Некоторых гостей действительно хочется встретить с каменным лицом, да воспитание не позволяет.

Звонкий смех Лоры Эйк послужил мне более чем щедрой наградой за остроумие. Ради одной улыбки этого небесного создания можно было бы уронить на землю десяток звезд, чтобы собрать из них достойный букет. Так. Куда это меня несет? Я отвел взгляд, вырываясь из плена прекрасных глаз. Заметила или нет? Похоже, обошлось.

— Поговаривали, что благодаря этим статуям хозяин дома всегда знал, что происходит в родных стенах, даже находясь на другом континенте. — Девушка подмигнула. — Впрочем, на месте Джозефа я бы всячески эти слухи поддерживала. Жена у него была краси-и-ивая!

Я удивленно покосился на Лору, выражая этим все то, что не смог сформулировать в толковый, а главное, достойный собеседницы комплимент. Она едва заметно покраснела и улыбнулась еще очаровательнее.

— Обратите внимание, — тоном опытного экскурсовода, начала леди Эйк, — на необычный интерьер холла. Изначально наверх вели две винтовые лестницы, между которыми красовался фонтан, изображающий дракона на водопое.

— А в какой момент появилось это?

Я кивнул на широкую зеркальную лестницу, раздваивающуюся после небольшой площадки. Несомненно, красиво. Но игра отражений создавала иллюзию прозрачности, вызывая безотчетный животный ужас, и я пообещал себе найти другой путь на второй этаж.

— О, это — воплощение мечты Рошмира Инк. Однажды ему приснилось, что сама Пресветлая спускалась по зеркальным ступеням с горы Курхао и...

— Он так религиозен? — удивился я.

— Нет, просто... Он надеялся, что защита богини пойдет на пользу этому дому.

Девушка пожала плечами, закрывая тему, и махнула рукой в сторону левого, то есть северного, крыла. Где-то в той стороне нас ждала башня невесты орка, самая загадочная пристройка в Гракте.

Лора Эйк всю дорогу звонко щебетала, перечисляя количество жилых и хозяйственных помещений, достоинства старинной архитектуры и заслуги членов благородного семейства. Я слушал вполуха, рассчитывая чуть позже самостоятельно изучить особняк, а не опираться на хвалебные речи наемной провожатой. А пока с любопытством отмечал самые, на мой взгляд, перспективные комнаты. Мы уже прошли сквозь столовую с винным шкафом во всю стену, библиотеку, с таким же огромным стеллажом, но уже с книгами, и сейчас находились в гости-

ной, освещенной мягким светом эльфийских бабочек в стеклянных шарах. И я замер, зачарованный гипнотическим танцем теней.

Не знаю даже, сколько я так простоял, когда сквозь уютный туман в голове мне послышался вопрос. Слов я не разобрал, но колоссальным усилием воли избавился наконец от наваждения.

— Простите, — пролепетал я, склонив голову, — залюбовался огоньками. Как мотылек, право слово. Мне очень-очень жаль.

С каждым словом желание провалиться прямо в лапы Проклятому только усиливалось. Но когда дух джентльмена во мне (Откуда только взялась эта пакость? Не иначе как от Лока подцепил!) восстал настолько, что впору было лезть на эшафот, холодные пальчики леди коснулись моего подбородка и легонько подтолкнули его вверх. Я поднял взгляд и наконец заметил, что девушка смотрит тепло и насмешливо.

— Ерунда, Эрвин. Мне даже льстит ваше восхищение этим домом. — На этот раз смутилась Лора. — В конце концов, меня же наняли его показать, и если старый особняк смог так очаровать вас, значит, в этом есть и моя заслуга.

— Вы о чем-то спрашивали?

— Ах да! — Она встрепенулась как птичка. — Вы ознакомились с планом особняка?

Проваливаться было поздно, каяться — страшно, пришлось выкручиваться.

— Конечно. Но, сами понимаете, времени на изучение было немного. Надеюсь, что вы сами мне все покажете.

Говорил я не слишком уверенно, а утвердительная интонация упрямо старалась сползти в вопросительную, но, по всей видимости, ловить меня на вранье никто не собирался.

— Покажу, но не все. Мне придется вас покинуть, и довольно скоро. Так что большую часть дома вам предстоит осмотреть самостоятельно. Но, обещаю, вам это пойдет только на пользу.

Я улыбнулся, пытаюсь скрыть внезапное разочарование. “Придется покинуть”. Но почему? А я еще как дурак пялился на этих проклятых бабочек вместо того, чтобы наслаждаться приятным обществом. Эх.

— Ну хотя бы потайные ходы, замурованных скелетов и пыточные в подвалах вы мне показать успеете?

— Скелетов не обещаю, а потайные ходы, боюсь, уже в нерабочем состоянии. Их создавал еще сам Джозеф Инк, а он доверял магии куда больше, чем механике. Поэтому вместо сдвигающихся стен, как принято в приличных замках, особняк был покрыт паутиной порталов, ненадежных и своенравных. При попытке попасть из кухни в башню, например, можно было запросто очутиться в садовой беседке. Или еще хуже, в хозяйской ванной, — хихикнула девушка. — Поэтому слугам почти сразу запретили пользоваться магическими путями, а наследники и вовсе предпочли о них забыть.

— Эх, ни скелетов, ни тайных темных коридоров... Гибнет романтика в наше время, гибнет! — картинно вздохнул я, заодно прощаясь с надеждой найти запасной путь на второй этаж. — Ну хоть подвал-то есть? — И добавил наудачу: — На плане точно был.

Лора отвела взгляд и едва заметно поморщилась.

— На плане есть.

Пауза, последовавшая за этим подтверждением, заставила меня похолодеть. Неужели я ошибся? Но девушка продолжила, и я незаметно перевел дух.

— И был. Даже очень большой, под всем домом. Но сейчас осталось только несколько технических помещений в правом крыле.

— Обвал? — поинтересовался я, скорее из любопытства, чем из простой вежливости.

— Хуже. Лет сорок назад случился большой пожар, загорелись какие-то зелья в подземной лаборатории. Потушить водой магическое пламя, разумеется, не удалось, но поскольку

лиар прекрасно изолирует магию, эту часть подвала попросту замуровали. Огонь выжег все, что могло загореться, и погас сам по себе. Однако разбирать завал так никто и не решился.

Лора развела руками, мол, я тут не хозяйка, и не имею права осуждать чужую трусость. Коротко вздохнув, девушка повела меня в следующую комнату.

Это был кабинет для настольных игр, он же джентльменская, он же курительная комната. Запаха дыма, разумеется, не было и быть не могло: с последних посиделок прошло, наверное, не меньше пары десятков лет, и то при условии гостеприимности Рошмира. Но расставленные тут и там хрустальные пепельницы говорили сами за себя. На круглом шахматном столике сейчас, вопреки назначению, располагались не шахматы, а спиритическая доска. Я повернулся к леди Эйк, догадавшись, чьих это рук дело. Она очаровательно покраснела, но упрямо тряхнула каштановыми локонами.

— Коротала время, пока ждала вас.

Прозвучало это скорее как вызов, а не как оправдание. Вопрос: “И что вы мне на это скажете?” без труда читался в зеленых глазах. Но мнение об использовании шарлатанского инвентаря я предпочел оставить при себе.

— А здесь что, водятся призраки?

Лора пожала плечами. Слишком поспешным и резким вышло это движение, чтобы я действительно мог поверить в ее неосведомленность, но развить тему я не успел.

— Пойдемте дальше. У вас еще будет время побродить и подумать.

Она вдруг встряхнулась, будто сбрасывая опостылевший образ светской леди, и озорно подмигнула и рассмеялась.

— Не печальтесь, Эрвин, я с вами еще не прощаюсь! Наперегонки до лестницы в башню?

Предложение прозвучало так неожиданно, что мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы приспособиться к новому витку вконец сошедшей с ума реальности. Кто чудит — вселенная или леди Эйк? А может, мой собственный разум?

Я пристально посмотрел на девушку. В ее глазах скакали чертята, а в моем сердце пели ангелы. Проклятый Спрут, как же она меня зацепила!

— Как скажете, леди.

Я изобразил галантный полупоклон, а когда разогнулся, пышные юбки старомодного платья уже исчезали в арке. Ноги сами понесли меня вперед. Мысль поддаться появилась и тут же исчезла, едва я сообразил, что начинаю выдыхаться, а пятки невесты когда успевающей скинуть сапожки Лоры мелькают где-то на горизонте.

Стыдно признаться, но на первую ступеньку винтовой лестницы я буквально рухнул и растекся, как мешок с прелыми осенними листьями. Ничуть не вспотевшая и не запыхавшаяся леди уже сидела на перилах и болтала босыми ножками. Никогда не видел кружевных носочков. И таких маленьких изящных ступней. Да что со мной, в самом деле?

— Нам стоит подняться туда, Эрвин. Наверху ужасно красиво.

В тоне ее не было ни капли жалости или снисходительности, за что я ей крайне признателен. Только всё та же озорная легкость, пьянящая, дразнящая и завораживающая.

— Одну секунду, леди. — прохрипел я, стараясь отдышаться.

Весь путь вверх я размышлял: всегда ли мир населяли такие странные люди или только мне так несказанно везет? То Август Лок со своим ядом и недосказанностями, то Лора Эйк, старательно оберегающая тайны дома и прячущая за внешним лоском хитрую маленькую бес-тию.

Голову кружит, зараза!

То ли лестница, то ли женщина.

Скорее всего, обе.

Интересно, стоит ли записывать сумбурные размышления? Или значение имеет только дом и мои ощущения от него?

"Стоит!" — прогремело в голове беспощадным набатом, и я вцепился в перила, задыхнувшись от боли.

"Все, все, я понял!" — мысленно взмолился я, и все закончилось.

Гнутая раскаленная спица покинула пронзенные виски, унося с собой и боль. Дрессируют меня, что ли? Знать бы, кто дрессирует! Лок? Надеюсь, что Лок! Потому что другие варианты куда хуже.

Красные пятна перед глазами поблекли и растворились, а мысли вновь начали проясняться, и я увидел перед собой встревоженное лицо Лоры.

— Вы в порядке?

Она хмурилась, отчего на мгновение показалась значительно старше и мудрее, будто оставила позади не двадцать лет, а по меньшей мере пару веков.

— Мигрень. — коротко ответил я. — Простите, если напугал. Приступы бывают очень внезапными.

Леди сочувственно улыбнулась и взяла меня под руку, милосердно притворившись, что это знак расположения, а ни в коем случае не попытка поддержать немощного спутника. Я с благодарностью и затаенным трепетом принял этот жест. В конце концов, решил я, какая разница, что в голове у этого непостижимого существа, если мы идем почти в обнимку?

Когда ступени кончились, а мой жизненный путь — нет, я очень удивился. Казалось, подъем будет длиться вечно. Я почти успел с этим смириться и даже сочинить неплохую, на первый взгляд, надгробную речь для собственных похорон, если не доживу до вершины — сердце пыталось покинуть грешное тело едва ли не в самом начале.

И теперь, чудом выжив и добравшись, я любовался невероятным видом на серые скалы, растворяющиеся в извечном гракском тумане, полуразрушенный маяк, одинокий и печальный в своем одиночестве и безжалостное Северное море. Буря стихла, и невысокие волны играли останками не слишком везучего корабля. Жизнеутверждающее зрелище!

— Рошмир понимает, что найдется не так уж много желающих арендовать дом с такой неоднозначной историей?

— Неоднозначной?

Красавица нахмурилась.

— Слово "пугающей" показалось мне невежливым, — усмехнулся я.

— А мне она кажется весьма романтической.

Девушка отодвинулась, будто отгораживаясь от меня невидимой стеной. Думаю, она прекрасно знала, о чем я говорю, и была готова защищать Инкорке от любых нападков с моей стороны. И я "напал":

— Что может быть романтического в пропавших детях?

Вопреки моим ожиданиям, плечи Лоры расслабились а из взгляда исчезла враждебность.

— Ах, вы об этом! Семья Инк не имеет к этому отношения! Я клянусь вам...

В голосе сквозило такое облегчение и едва ли не радость, что я не удержался и насмешливо поинтересовался:

— Вы так близко с ними знакомы?

— Достаточно, чтобы быть уверенной в их непричастности.

Она явно верила в то, что говорила, но я, как ни старался, поверить не смог. Что-то было не так. Витало в воздухе, пропитывало холодные каменные стены башни, тянуло щупальца в самую душу и не давало расслабиться. Однако я сделал вид, что все в порядке. Не время и не место пытаться прекрасную леди. Тем более, что я пока не нашел никаких оснований для этого. Поэтому я развел руками и примирительно сказал:

— Ну что ж, я не судья и не искатель истины, а посему закроем эту тему. В какую сумму хозяин оценивает аренду своего замка?

— Деньги Рошмира не интересуют. Так что тут всё в ваших руках. Я уверена, репутация мистера Лока не позволит ему оставить наследника известной семьи без гроша в кармане.

— Что же ему тогда нужно, если не деньги?

— Он хочет найти семью, которая полюбит этот дом, как свой собственный, и приведет его в надлежащий вид.

— Деньгами вышло бы дешевле, — заметил я.

— Да, но это поместье стоит любых вложений. Оглянитесь, Эрвин! Где еще вы найдете такие романтические виды и самобытные замковые переходы?

Я поежился. Нигде. Нигде я не найду такие “романтические” виды. И это, пожалуй, к лучшему. Из такого окна недолго и выпрыгнуть!

Я молча положил ладонь на толстое холодное стекло. Под пальцами высились горы, и я, казалось, чувствовал их шершавость. Вдруг поверх моей руки легла ладошка Лоры. Я оцепенел. По мизинцу леди струилась тонкая вязь старинной брачной татуировки. Сердце глухо стукнуло и замерло, покрываясь тонкой коркой льда. Пресветлая, о чем я думал? Что успел навоображать?

— Будьте осторожны с мистером Локом. Не стоит слишком ему доверять.

Ее голос казался встревоженным, и только поэтому я вообще обратил на нее внимание. Очень уж глубоко я увяз в собственных глупых переживаниях. Смысл слов дошел до меня не сразу. А когда дошел — я едва не рассмеялся вслух. Настолько нелепыми они мне показались.

— Он говорил то же самое о вас.

Вышло хрипло и обиженно, а не насмешливо, как мне бы того хотелось. Но я продолжал смотреть на ажурные буквы эльфийской клятвы верности, втайне надеясь, что они вот-вот растают под моим пристальным взглядом. Стоп! Эльфийская клятва! Но эльфы не ведут с людьми никаких дел уже добрую сотню лет! Закрылись в своей долине и завалили единственный горный проход. Так как, скажите на милость, юная девушка могла заключить брак по обычаям длинноухих?

— Как вам удалось провести обряд связи душ?

— При жизни у моего супруга были кое-какие знакомства среди вечного народа.

— При жизни?

Ледяной холод в душе вдруг ослабил хватку.

— Я вдова.

Леди Эйк густо покраснела и заторопилась:

— Давайте спускаться. Мне действительно пора уходить.

Глава 5

Путь вниз показался гораздо короче. Затянутый в омут сумбурных размышлений, я шагал машинально, как кошанский голем.

Вдова! Сколько же ей лет? Насколько моложе может выглядеть женщина, если того пожелает? Ведьма? Насколько угодно. Вот только не чувствовалось в ней ничего опасного или отталкивающего, как это часто бывает в случае с колдуньями и колдунами. Того же Августа, например, я подспудно боялся до мурашек, хоть и старался держать эмоции под контролем. Это инстинктивная реакция на опасного хищника. Даже если ты и сам с клыками, но значительно меньше размером.

И что такого мог сделать мистер Лок, чтобы вызвать недоверие девушки, с которой даже не знаком лично? Убить кого-нибудь?

“И съесть!” — радостно закончил ехидный внутренний голос. Тот, который мой, а не тот, от которого звенит в ушах. Проклятье! Развел в голове советчиков! Впору сдать на милость терпеливых лекарей и позволить запереть себя в уютной комнате с решетками на окнах. Некстати вспомнилось убранство моего нового жилища, и я, покачав головой, решительно выбросил из головы всю эту мутную самокритику.

Не мне решать, кто тут псих. Для этого есть специально обученные люди.

А я, на минуточку, специально необученный помощник риелтора! Вот! И у меня в этом особняке есть своя работа.

Провожать странную девушку к самому выходу я не стал. Не хотелось ни разговаривать, ни даже просто видеть прекрасные зеленые глаза. В ее присутствии я сердился, волновался, переживал и проделывал прочие совершенно непрофессиональные фокусы вместо того, чтобы выполнять поставленные начальником задачи.

Сославшись на занятость и ограниченность времени, что, к слову, было чистой правдой, я остался в столовой. Леди поджала губки, но возражать не стала, а спустя полминуты послышался хлопок входной двери, и мне неожиданно стало значительно легче.

Комок, в который сжалось сердце, наконец расслабился, и мысли о запретном романе с восхитительной юной вдовой схлынули, как вода. От зародившейся было влюбленности не осталось и следа. Только легкое недоумение при воспоминании о собственном недостойном поведении. Как мальчишка! Придется поднять этот вопрос за ужином, хоть он и кажется слишком личным. Опыт подсказывал, что если что-то кажется странным, скорее всего, оно таковым и является. Эх, мне бы эту мудрость всего пару лет назад, и мог бы, наверное, уже рассекать на ящере пески алой пустыни или ловить певучих рыб эрха в озерах Лемийского края.

Я раскрыл на столике принесенную с собой книгу и начертал посреди страницы крупным размашистым почерком: “Обсудить Лору Эйк”.

Столовая, как и все в доме, казалась мрачной и таинственной. Но здесь особенно ощущалась запущенность некогда жилого места. Роспись на потолке с изображением разудалой рыцарской пирушки потускнела и частично осыпалась. Грозный бородач, по воле времени оставшийся без носа, поднимал тяжелую деревянную кружку, а немолодая женщина в платье прислуги подавала к столу поднос с зияющей, будто голодная пасть, пустотой.

Возможно когда-то этот незамысловатый сюжет поднимал настроение, но теперь вызывал зудящую, как комар по весне, тревогу. Казалось, взгляды пирующих пристально наблюдают за каждым моим движением, а руки тянутся к столовым ножам, стоит только отвернуться. Я пожегся и заставил себя отвлечься от созерцания недружелюбной пьяной компании.

Чистые, но изрядно потрепанные шторы, чистые, но потрепанные стулья... В целом, так можно было описать все помещение. Чисто, потрепано и очень тревожно. Я торопливо занес в отчет список мебели и предметов декора, и с облегчением перешел в гостиную.

Здесь было значительно уютнее. Неверный дрожащий свет от трепещущих крыльев эльфийских бабочек заставлял плясать тени. Посреди комнаты — большой диван и небольшой кофейный столик, по бокам от них два кресла, повернутых друг к другу, у дальней стены — секретер темного дерева. Несмотря на следы времени, комната создавала впечатление жилой. По стенам и тут висели картины, но никаких унылых безносых лиц я не заметил — только пейзажи разной степени гористости. Новый список предметов в книге — и я продолжил путь.

Я переходил из помещения в помещение, нигде подолгу не задерживаясь. Садился за стол или облокачивался на комод, описывал и шел дальше. Ничего интересного не встретилось до уже знакомой и почти родной (в свете пережитого) лестницы в башню. Справа начинались владения слуг, так называемая “тенивая” часть особняка. Коридоры, двери, пыль и тусклый, неприятно холодный свет крошечных кристалльных ламп. Нестандартно, но и только. Для жилых помещений такое освещение недопустимо по современным нормам, но где эти нормы, а где коморки для слуг.

Я приоткрыл одну из одинаковых дверей и нос к носу столкнулся с неустойчиво прислоненной к ведру метлой. Нос к метловищу, если быть точным. Метловище стойко выдержало испытание, а в носу что-то неприятно хрупнуло. Я отлепил от себя не в меру дружелюбную утварь и опасливо ощупал пострадавшую часть лица. Вроде, не так уж и пострадавшую. Крови нет, кончик — я скосил глаза — по центру. Надо бы впредь поосторожнее с этими коморками. Спрут его знает, что оттуда может выскочить в следующий раз.

В следующий раз ничего не выскочило. И через раз тоже. Бесчисленные кладовки различались только содержимым разной степени съедобности. Чем ближе к кухне — тем съедобнее. Сама кухня оказалась удивительно маленькой и невзрачной для такого большого особняка. Половину занимал колоссальных размеров холодильный шкаф, а в оставшемся (не развернутым) пространстве ютились разделочный стол, печь на магическом пламени и полки со всевозможными чашками и чашами. Ни дорогих каждому дворянскому сердцу хрустальных сервизов, ни серебряных кубков я не заметил.

В целом служебная часть этажа производила гнетущее впечатление. Будто не замок сумасшедшего аристократа, а госпиталь, из которого внезапно пропал весь персонал. И чисто! Даже пыль, казалось, не хотела прикасаться к этим холодным заброшенным поверхностям. Брр. И сколько здесь было дверей! Комнаты, комнатухи, клетушки, коморки, кухня, в конце концов! Замок внутри замка, дом внутри дома. Не жилище, а шарик Грэма какой-то. Здесь без ведома хозяина может партизанить по меньшей мере сотня человек, а он и знать не будет.

Я шел извилистыми коридорами и успел заподозрить, что они по спирали ведут меня в самую Бездну, когда наконец увидел впереди красивую дверь резного дуба. Кажется, мне удалось обойти особняк полукругом и прийти в южное крыло с противоположного от входа конца.

В огромном помещении господствовал полумрак. Бальная зала, хранившая еще память о былой роскоши, сейчас напоминала покинутую в разгар светского приема даму, растерянную и раздавленную осознанием собственной ненужности. Я распахнул тяжелые шторы на каждом из окон, впуская уличную серость, притворяющуюся днем, и в воздухе в веселом вальсе закружились пылинки. Так-то лучше. Комната перестала казаться такой печальной, взамен обнажив недобросовестность уборщиков.

Здесь, как и в холле, стены отделали мрамором, черным с редкими серебристыми прожилками. А над головой — купол звездного неба, выписанный с большим мастерством. Талантливая работа, если не сказать “гениальная”. Зрелище заворожило меня гораздо сильнее, чем пляски эльфийских бабочек, сильнее, чем когда-либо заволаживала красота реального небесного купола над Грактом. Это небо было глубже. Намного глубже. За знакомыми

созвездиями проглядывали искры неведомых, совсем чужих, а где-то там, за многослойностью искр, виднелось нечто огромное и темное.

“Едва ли это Пресветлая”, — подумал я и содрогнулся.

Но тут же одернул себя, напомнив, что богов много, и любой из них имеет право затаиться в глубине вселенной, коли того пожелает.

Я расстроился, что не захватил с собой факела и привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть таинственную фигуру. И в то же мгновение у моих ног проснеслось что-то мелкое и гибкое. Больше крысы или кошки, но такое же юркое. Я отскочил и едва не рухнул на каменный пол. Но столь нелюбимые мной когда-то уроки пастыря Гора не прошли даром, я успел крутануться, сбивая инерцию и вновь установиться на обеих ногах.

Когда равновесие было восстановлено, твари, разумеется, и след простыл. Это она зря, такое зрелище пропустила! Только теперь я осознал, что озноб, пробравший меня при виде темной фигуры на потолке, не только никуда не делся, но и конденсировался в холодный пот на лбу. Я мог бы поклясться, что не так уж и испугался, ни неведомого бога, ни неведомой зверушки, но мое тело считало иначе. Оно изо всех сил сигнализировало о едва не постигшей меня страшной опасности, и требовало покинуть негостеприимное помещение, дом, а может, и вовсе город. Я не сторонник крайних мер, а потому ограничился залой, спешной, но гордой походкой выйдя в гардеробную.

В конце концов, я — всего лишь помощник большого сильного колдуна. Мое дело — осматривать, записывать и пугаться, его — разбираться со всей этой чертовщиной. О да, малодушие всегда было моей сильной стороной.

Здесь было пусто, тихо и, главное, светло. Пуфы, шкафы, забытая шляпа и пара ничего не значащих картин. Я так и не смог разобрать, что хотел изобразить художник, и внес в отчет подслушанное однажды слово “абстракция”. Будет нужно — заберем домой, и уже там рассмотрим эту мазню, как следует.

Страх, так внезапно охвативший меня в бальной зале, ослабил свои удушающие щупальца, оставив на прощание стыд и легкое недоумение. В самом деле, что такого пугающего может быть в старой фреске и мельтешащих тенях? Однако стоило вспомнить свои ощущения, как они тут же попытались вернуться, как верный пес, которого позвал хозяин.

Я вновь сел на обувной пуф и подробно записал произошедшее и свои сумбурные мысли. Как он там говорил? “Если только подумаешь подумать...” Я вот уже думаю думать уносить отсюда ноги, но как подумаю... Тьфу. Надо держать себя в руках! Профессионал я или кто?

“Или кто” — услужливо съехидничал внутренний голос.

Я шикнул на непрошеного собеседника и упрямо сжал кулаки. Деваться мне все равно некуда, работа у меня одна, и ее надо работать. Расплывающаяся по странице клякса прекрасно сыграла роль жирной точки в моих малодушных душевных терзаниях.

Пройдя в, казалось, тысячу лет назад покинутый мной холл, я с содроганием приблизился к зеркальной лестнице. Гулко сглотнул, отгоняя тревожные мысли, и сделал первый шаг.

Не смотреть вниз!

Не смотреть вниз!

Не смотреть...

На Пути Безликих считалось, что ты должен всегда отслеживать и контролировать свои отражения. Звучит непросто, да так оно, в сущности, и есть, но со временем входит в привычку. Начинаешь неосознанно избегать избыточных глянцевыми поверхностями помещений, замечаешь на периферии зрения движения, схожие с собственными. И если чувствуешь, что отражения запаздывают или, того хуже, предугадывают твои действия, а такое с безликими случается чаще, чем можно было бы подумать, немедленно их уничтожь.

У каждого Пути свои слабые стороны, и нам, надо признать, повезло куда больше, чем, например, мертвоходцам, для которых каждый призрак может стать билетом на тот свет.

Я же даже в доме Лока старательно отводил глаза от металлических дверных ручек и бликов, скачущих по хрустальным граням бокалов. Раз только посмотрел в зеркало, когда встретился лицом к лицу со своим новым обликом. Но в том-то и дело, что лицом к лицу, а потому не опасался подвоха.

В свете сказанного, вы можете понять, какой ужас охватил меня на зеркальной лестнице, в гладких ступенях которой мгновенно ожили десятки, если не сотни Эрвинов Рид.

Все, что я мог — не смотреть.

Поэтому шел я, высоко задрав голову, и с преувеличенным интересом разглядывая портреты рода Инк. Своеобразная картинная галерея начиналась на площадке между этажами и расходилась по обе стороны раздвоившейся лестницы. Подумать только, как изобретательна бывает человеческая судьба! Ведь бы я повернул направо, то так бы и оставался в неведении. Возможно, так было бы лучше. Впрочем, теперь уже не важно.

Я решил подниматься по левой лестнице, вероятно подсознательно стараясь держаться подальше от так напугавшей меня бальной залы, и почти сразу заметил в ряду улыбающихся и неправдоподобно красивых лиц зияющий пробел. Чуть более светлый прямоугольник не оставлял сомнений — здесь совсем недавно висел портрет. Я обернулся и посмотрел на другую стену, вспомнив, что у аристократов принято вешать образы супругов напротив друг друга. Напротив отсутствующей дамы расположился черноволосый и кареглазый мужчина с неприятной усмешкой. Лет тридцати на вид, с прямым упрямым взглядом. Позируя, он скрестил на груди руки, то ли по привычке, то ли чтобы продемонстрировать... Что это у него? Я подался вперед, всем телом повиснув на ненадежных скрипучих перилах.

И разглядел.

По мизинцу незнакомца тонкой вязью струилась эльфийская брачная татуировка.

В точности такая, какая украшала пальчик прекрасной леди Эйк.

Глава 6

Что за существо эта Лора Эйк? Призрак? Невероятно сильная ведьма? Проклятый Спрут, сколько может уместиться тайн в один сравнительно небольшой замок?

Я сел на ступеньку, забыв об осторожности, и осоловело уставился перед собой. Слишком много. Слишком много странностей для моей бедной головы. Голова, в знак солидарности с этим умозаключением, тут же разразилась болью. Я поморщился и зажмурился, стараясь медленным дыханием и усилием воли выдавить, растворить проклятое пламя, пожиравшее половину черепа. Через несколько минут мне это почти удалось, но сил продолжать работу почти не осталось.

Так бы я и остался сидеть лестнице, если бы не заметил краем глаза движение в зеркальной глубине. Что-то темное и вязкое, как смола, растеклось из угла на площадке и, добравшись до первой ступеньки, хищно поползло снизу вверх по ноге одного из моих отражений. Страшное зрелище передавалось из грани в грань, как вирус, постепенно приближаясь ко мне настоящему.

Оцепенение разбилось вдребезги.

Еще секунда, и оно доберется до меня, переползет в реальность в месте нашего соприкосновения.

Я вскочил и помчался наверх. В висках билась только одна мысль: “Бежать! Бежать, как можно дальше, от этого безумного дома и никогда не возвращаться!”

Но пути к отступлению теперь были отрезаны.

В холле второго этажа я в полубреду сорвал шторы, когда не смог их раздвинуть, и замер, тупо уставившись на открывшийся из окна вид. Не знаю, чего я пытался добиться. Действовал на инстинктах, как загнанное в угол животное. Возможно, я хотел отпугнуть дневным светом наползающую тьму, но, кажется, здорово ошибся в расчетах. Над Грактом уже сгущались синие тревожные сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.